

СОЦИАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА: ТОЧКИ РОСТА

Под научной редакцией Г.Л.Тулчинского

Санкт-Петербург
2020

УДК 81`22
ББК 71.05
С69

С69 **Социальная семиотика: точки роста** / Научн. ред. Г.Л. Тульчинский. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — 156 с.
ISBN 978-5-98620-451-2

В материалах сборника представлено осмысление широкого поля развития и применения потенциала социальной семиотики.

Издание рассчитано на специалистов, студентов и всех интересующихся возможностями анализа знаковых и символических систем в отношении социально-культурных процессов.

УДК 81`22
ББК 71.05
С69

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
СОЦИАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА: ИСТОКИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	
<i>Золян С. Т.</i> Социальная семиотика: сорок лет спустя	8
<i>Тульчинский Г. Л.</i> Междисциплинарный потенциал социальной семиотики и антропология цифровизации	12
<i>Богатырёва Е. А.</i> Философия текста в эпоху интернета и социальных сетей	19
СОЦИАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОРГАНОН	
<i>Белорусец А. С.</i> Категория знаково-символического опосредствования в отечественной психологии	26
<i>Ильин М.В.</i> Логономические системы: рефлексия, осмысленность и вербализация действия	30
<i>Чебанов С. В.</i> Семиология палимпсеста и общая семиотика	33
<i>Шелковников А. Ю.</i> Роль вторичных моделирующих систем в социальной семиотике	43
<i>Ширинкин П. С.</i> Перспективы использования «символических» ресурсов в практике регионального туризма и социокультурной деятельности	46
<i>Шталенкова К. И.</i> Семиотический подход в визуальном анализе денежных знаков	51

ЗНАК И ДЕЙСТВИЕ: НАРРАТИВНЫЕ И ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Герасимов С. В.

Перформативы и нарративы в процессах генерации социальной реальности. 56

Рогонян Г. С.

Нарратив и неопределенность действия. 61

Семёнова Е. А.

Я не хочу иметь куклу — я хочу сама быть куклой.

Социальная семиотика [перформативной] анорексии. 63

Шифрин Б. Ф.

Семиотические механизмы «странного» (к вопросу об органах поэтики). 68

ТЕКСТ И ЗАТЕКСТОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРЫ

Кривогорнищева Е. А.

«Смотрит, да не видит»: интерпретация романа В. Набокова «Лолита» в русскоязычном фанфикшн. 78

Кудина А. Ю.

Межтекстовые связи «текста-продолжения» «1985» Д. Далоша и романа-антиутопии «1984» Дж. Оруэлла. 82

Семенова Н. В.

Итеративное повествование в рассказе А. П. Чехова «Анна на шее». 86

Шмелёва Е. В.

Система точек зрения как смыслообразующая категория в рассказе В.В. Набокова «Катастрофа». 90

ПОЛИТИКА И КОММУНИКАЦИЯ SUB SPECIE SEMIOTICAE

Акопов С. В.

Суверенность как сакральная структура 96

Шустов А. В.

История глазами политического психолога: что могло стать невидимым со сменой смысла понятия “imperium”? 100

Эпштейн М. Н.

Двуликий Хронос. Знаки времени, обращенного вспять. 104

ТРАНСМЕДИАЛЬНАЯ НАРРАТОЛОГИЯ

Дейкун И. Д.

Принцип «максимального отклонения» в медиа «гибридах». На материале сравнительного анализа эмблем, текстогрaфии черновых рукописей и театров памяти 114

Егоров Г. А.

К проблеме интермедиальной транспозиции: «Пена дней» Бориса Виана и Эдисона Денисова 119

Еременко А. А.

Нарративная двумерность синтетического текста в видеоклипах Alt-J 126

<i>Кириченко В. В.</i>	
Теория возможных миров как трансмедиаальный метод исследования	131
<i>Пронин А. А.</i>	
Документальный фильм как нарративный «конструктор»	136
<i>Садеева А. Р.</i>	
The Stanley Parable. Роль нарратива в метаигре	138
О Б З О Р Ы	
Социальная семиотика: методы анализа	144
Механизмы смыслообразования в процессе коммуникации	145
Семиотика историй и семиотика истории	147
Текстуализация смыслообразования.	147
Семиозис цифровой культуры	149
Социально-культурная нарратология	150
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	154

Белорусец А. С.

Аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: arsenny@mail.ru

Категория знаково-символического опосредствования в отечественной психологии*

Аннотация. Будучи ключевой для культурно-исторической психологии и близкой семиотике, категория знаково-символического опосредствования всегда привлекала психологов, однако в конце концов непременно ускользала от исследователей-психологов. В представленном обзоре прослеживается линия развития исследований этого конструкта и связанной с ним феноменологии в истории отечественной психологии, начиная с работ Л. С. Выготского и заканчивая современными исследованиями.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, знаково-символическое опосредствование, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, история идей.

Belorusets A. S.

Postgraduate student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: arsenny@mail.ru

The Concept of Semiotic Mediation in Soviet and Russian Psychology

Annotation. Semiotic Mediation is a key-concept for cultural-historical activity theory, which is the most influential in Soviet and Russian psychology. The article is devoted to the historical development of this concept that always tends to evade investigators.

Key words: cultural-historical activity theory, semiotic mediation, Lev Vygotsky, Petr Galperin, history of ideas.

Цель настоящего обзора — наметить хотя бы и пунктиром историю развития понятия «знаково-символическое опосредствование» в отечественной психологии. Данное понятие вполне можно считать мостиком, соединяющим отечественную культурно-историческую психологическую традицию с семиотикой, а вместе с ней — и со всей гуманитаристикой. Сформулированные в рамках этого направления идеи имеет смысл рассматривать не только как собственно психологические, но и как междисциплинарные. Будучи весьма плодотворной, интеграция отечественной культурно-исторической психологии в общемировой и общегуманитарный контексты, к сожалению, сталкивается с определенными трудностями, причем последние носят внутренний характер и уходят корнями в историю науки. Они связаны, с одной стороны, с длительным временем относительно независимого развития советской психологии, а с другой стороны, с трудностями в обращении к архивам (далеко не все письменные свидетельства сохранились, а сохранившиеся не вполне описаны и часто почти недоступны для исследования). Вместе с тем почти каждое понятие культурно-исторической психологии оказывается нуждающимся в специальной реконструкции, которая позволила бы не только восстановить его истоки и историю развития, но и сделала бы возможным продолжение этой истории, реинтеграцию исследуемого понятия в междисциплинарный категориальный аппарат.

В первую очередь такой реконструкции заслуживает понятие «знакового-символического опосредствования», являясь одним из центральных для культурно-исторической психологии. Именно оно, а также лежащий за ним принцип опосредствованности отличают отечественную психологическую теорию от большинства зарубежных психологических теорий, основывающихся на постулате непосредственности, «согласно которому объективная действительность непосредственно воздействует на психику субъекта и однозначно определяет возникающие вслед за этим воздействием проявления его психики и поведения» [1].

Идея знаково-символического опосредствования появляется в работах Л. С. Выготского. Ярче и компактнее всего она может быть передана в мысленном эксперименте, противопоставляющем две стратегии поведения в ситуации выбора равно привлекательных альтернатив: стратегию буриданова осла (если бы действительность непосредственно воздействовала на психику, то выбор и правда был бы невозможен, а участь осла — печальна) и специфически человеческую стратегию, основанную на выведении системы из равновесия через внесение дополнительного указывающего элемента, например, жребия, выступающего в качестве «стимула-средства» принятия решения [2]. Наличие таких средств

* Работа выполнена при поддержке грантом РФФИ, проект № 20-18-00028.

становится основанием для выделения особой специфически человеческой формы психики — «высших психологических функций». (Заметим в скобках, что трудности архивирования теорий, о которых мы писали выше, повлияли и на судьбу этого — ключевого для советской психологии — термина: в наиболее полном на сегодняшний день шеститомном собрании сочинений Л. С. Выготского он фигурирует как «высшие психические функции», что текстологически неверно [9]).

Опосредствованная структура высших психологических функций (ВПФ) исследовалась не только в мысленных, но и во множестве реальных экспериментов. Так, в совместной работе с А. Н. Леонтьевым [6] на основании сравнительной эффективности припоминания последовательности слов как с использованием дополнительных средств (карточек с картинками), так и без него, испытуемыми разного возраста было не только продемонстрировано положительное влияние использования стимулов-средств на воспроизведение запоминаемого материала, но и приведено свидетельство в пользу гипотезы об интериоризации таких средств в онтогенезе — их переводе во внутренний план. Внешний предмет, взятый в функции знака (в мысленном эксперименте жребий указывает на одно из решений, в эксперименте Леонтьева — картинка — на запоминаемое слово) становится орудием деятельности человека, преобразует ее структуру и влияет на ее результат (выбор становится осуществимым, эффективность памяти улучшается). Этот яркий экспериментальный факт, безусловно, является значимым, но он, конечно, ставит больше вопросов, чем дает ответов.

Один из таких вопросов связан с анализом качественных характеристик стимула-средства или его отношений в системе действия в их связи с качественными характеристиками процесса и результата действия. Он может быть сформулирован очень просто: «имеет ли значение собственное содержание стимула-средства или действие с равным успехом может опосредствоваться чем угодно»? Отметим, что в случае со жребием или картинками собственное содержание стимула-средства было весьма бедным, а его связь с означаемым — случайной. Используя терминологию Ф. де Соссюра, такое опосредствование можно было бы назвать знаковым, ведь именно знак характеризуется случайной связью означаемого и означающего [8].

Линия анализа, в основе которой лежит дифференцированный подход к различным формам знаково-символического опосредствования, была намечена самим Л. С. Выготским. Сохранились его рабочие записи, а также конспекты выступлений, датированные 1932 годом. Они близки по содержанию, в них обосновывается необходимость перехода к так называемому семическому методу, поэтому мы приведем лишь одну: «Когда мы стояли на границе — натуральных и опосредствованных процессов — мы работали методикой двойной стимуляции. Когда нас стало интересовать движение внутри развития опосредствованных процессов — мы переходим к семическому анализу. <...> Тогда нас интересовало: что общего между узелком и логической памятью (описывали развитие с формальной, с внешней стороны, со стороны эффекта). Сейчас нас интересует: что различного между узелком и логической памятью.» [9].

В полной мере эта программа выполнена не была, или, вернее сказать, реальный фокус исследовательского внимания сначала оказался уже: изучались не столько различные формы опосредствования, сколько различные формы обобщения, а затем сосредоточился на проблематике системного строения сознания. Фактически осуществленные Л. С. Выготским исследования касались лишь анализа форм значений (как внутренней структуры знаковых операций) и, хотя сам Л. С. Выготский отмечал различие между мыслью, семической и фазической сторонами речи и призывал исследовать то, что лежит между мыслью и словом, его программа была воспринята как «словоцентристская». Она не была поддержана А. Н. Леонтьевым, который считал значения внешними по отношению к психологии и настаивал на изучении действий, однако, насколько нам известно, не предпринял новых эмпирических исследований, в которых анализировалась бы именно связь структуры и характеристик действий со структурой используемых средств.

Радикальное преодоление «словоцентризма», приписываемого А. Н. Леонтьевым Л. С. Выготскому, предлагает П. Я. Гальперин. Уже в 1935 году в докладе «Система исторической психологии Л. С. Выготского и некоторые положения к ее анализу» он подчеркивает, что системообразующим для концепции Выготского выступает акт опосредствования (не само средство, а именно акт обращения к нему) и намечает разные ракурсы его исследования. «Что является центральной частью системы, что является решающим ее звеном? Это учение об опосредствованном акте. Опосредствованный акт строит систему... В генезе опосредствованного акта открывается связь с исторической жизнью (социальным общением). Функциональное значение опосредствованного акта открывает дорогу к учению о системном строении

сознания. И, наконец, через внутреннее строение опосредствованного акта мы подходим к учению о смысловой структуре сознания». П. Я. Гальперин призывает «перейти от анализа сознания к анализу реальной личности в ее реальных отношениях именно со стороны необходимости, с какой она определяет субъекта.» [5]. В своих более поздних работах он не в полной мере реализует задуманное, проблематика личности останется мало исследованной, однако «в ее реальных отношениях со стороны необходимости» будет исследована психика вообще, что позволит П. Я. Гальперину определить ее как синоним ориентировочной деятельности. Это же в свою очередь, позволит говорить об опосредствующем психику звене как об ориентировочной основе действия (далее — ООД). В рамках разработанного им метода планомерно-поэтапного формирования умственных действий [4], П. Я. Гальперин подробно исследует различные свойства и характеристики ООД в их соотношении со свойствами формируемого действия. Пожалуй, его анализ строения опосредствующего ориентировочную деятельность звена можно считать наиболее полным. Если Л. С. Выготского упрекали в «словоцентризме»: установке на то, что через исследование опосредствования словом может быть раскрыт единый механизм опосредствования, то в работах П. Я. Гальперина фокус внимания смещается со знаково-символического средства на более широкий круг медиаторов, однако их структура не анализируется, рассматриваясь как производная от общественного способа их использования. При этом круг анализируемых деятельностей остается узок и ограничивается, как правило, учебной деятельностью.

Возвращается к проблематике «знаково-символического опосредствования» ученица П. Я. Гальперина Н. Г. Салмина. Она обращается к работам в области семиотики и философии для различения знакового и символического опосредствования, обозначает критерий такого различия, но по каким-то причинам не ставит это различие в центр своего исследования. Позволим себе привести обширную цитату из ее работы «Знак и символ в обучении»: «В литературе существуют различные подходы к определению знака и символа и их соотношению, в контексте которых термины “знак” и “символ” принимают разные значения. Это семиотический (Ю. М. Лотман, К. Леви-Стресс, Р. Барт), герменевтический (Х.-Р. Яусс, Х.-Г. Гадамер и др.) подходы. Особую позицию занимает Э. Кассирер. Мы исходим из следующего различия между этими понятиями: знак обозначает содержание, символ раскрывает его (изображает, выражает отношение к нему). Функциональное существование символа, согласно Э. В. Ильенкову, заключается в том, что он выступает средством, орудием выявления сути других чувственно воспринимаемых вещей, т. е. всеобщего. В данном исследовании эти различия несущественны. Мы используем термин “знаково-символические средства”, объединяющий все множество знаков и символов.» [7]. Возможно, различия между знаком и символом действительно несущественны для конкретных исследований, предпринятых Н. Г. Салминой, однако согласиться с этим тезисом в общем никак нельзя, учитывая, что, как было показано в работах Л. С. Выготского и особенно П. Я. Гальперина, использование орудия приводит к качественной перестройке операции: операция начинает осуществляться в логике орудия (а логика оперирования знаком и символом, очевидно, не тождественна). Это обстоятельство, с нашей точки зрения, позволяет обосновать особую специфически психологическую программу исследований, направленную на реконструкцию отдельно знаковой операции в ее взаимообусловленности структурой и прагматикой знака и символической операции в ее взаимообусловленности структурой и прагматикой символа.

Среди современных исследований знакового и символического опосредствования следует отметить работы А. Н. Вераксы. Он предлагает использовать для разделения этих процессов два критерия: структурный и функциональный. «В качестве структурного критерия выступает наличие в символе образного содержания, допускающего его различные интерпретации. В качестве функционального критерия выступает применение символического опосредствования для ориентировки в ситуации неопределенности.» [2]. Согласно А. Н. Вераксе, символическое опосредствование имеет своей задачей формирование образа неопределенной ситуации (ее своеобразную аппроксимацию в символе), который затем может быть проинтерпретирован и таким образом стать основой для отражения ситуации в системе значений. То есть, по сути дела, символическое опосредствование является ступенькой к опосредствованию знаковому, что, однако, противоречит приведенной выше позиции Э. В. Ильенкова, рассматривавшего символ как средство выявления всеобщего.

В сценарии, описываемом А. Н. Вераксой, ситуация неопределенности сменяется определенностью или даже определённостью, наложением предела, связанного с однозначной интерпретацией, присущей знаку. Взгляд А. Н. Вераксы отражает классический идеал рациональности, стремящейся вынести субъективное (а с ним и личностное) отношение за скобки, и представить продуктом познания некоторые

однозначно сформулированные и доступные для проверки «протокольные предложения». Оставляя в стороне правомерность такого подхода применительно к проблематике когнитивных задач, заметим, что в сфере творческих личностных задач (например, задача на жизнетворчество, к запросу на помощь в решении которой сводится большинство обращений к психотерапевту) он совершенно точно оказывается недостаточным. Здесь критерием качества принятого решения является не его правильность или ошибочность (вряд ли возможно установить ее даже ретроспективно), а то, в какой степени это решение соотносится с «сутью всеобщего» (для образа мира конкретной личности). Символическое опосредствование позволяет не столько найти частное решение, сколько нащупать общий закон, соотносимость с которым маркирует как приемлемые целый круг возможных решений.

Обозначенные исторические примеры вполне можно было бы считать точками на линии развития единой исследовательской программы, однако она до сих пор так и не была сформулирована. Оставаясь в центре внимания ученых, категория знаково-символического опосредствования и скрывающаяся за ней феноменология всякий раз ускользала от систематического исследования, которое, тем не менее, представляется нам актуальным как в контексте психологической теории, так и практики психотерапии. С нашей точки зрения, адекватная программа исследования данной категории должна основываться на функциональном различении знака и символа (знак — означает, символ — воплощает) и предполагать сравнительный анализ оперирования знаком и символом. Такой поворот оказывается вполне в духе социальной семиотики, смещающей анализ с самих семиотических единиц на особенности их функционального употребления в социальных практиках.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. У порога неклассической релятивистской психологии // Сибир. психол. журн. — 2011. — № 40. — С. 24–39.
2. Веракса А. Н. Особенности символического опосредствования в познавательной деятельности младших школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2008. — 164 с.
3. Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собр. соч. — Т. 3. — М., 1983. — С. 5–328.
4. Гальперин П. Я. Введение в психологию. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 1976. — 151 с.
5. Гальперин П. Я. Система исторической психологии Л. С. Выготского и некоторые положения к ее анализу (тезисы) // Культурно-ист. психология. — 2009. — Т. 1. — С. 118–123.
6. Леонтьев А. Н. Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций. — М.; Л.: Учпедгиз, 1931.
7. Салмина Н. Г. Знак и символ в обучении. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 1988. — 288 с.
8. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / под ред. Ш. Балли, А. Сеше. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
9. Записные книжки Л. С. Выготского / под ред. Е. Завершнева, Р. ван дер Веер. — М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. — 608 с.

Научное издание

СОЦИАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА: ТОЧКИ РОСТА

Сборник статей

Под научной редакцией

Г.Л. Тульчинского

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Корректурa — *Крутоярова С. Л.*

Верстка — *Лукин С. Е.*

Подписано к публикации 15.07.2020. Заказ №6750

Формат 60×90 1/8.

Усл. печ. л. 9,75.

Издательство Скифия-принт.
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10